

English version: [Guseltseva M.S. The problem of periodization of the history of Russian psychology](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Периодизация российского психологического знания является актуальной проблемой истории психологии. Во-первых, следует различать, с одной стороны, эволюцию (накапливание) отечественного психологического знания, с другой – становление российской психологии в качестве науки (ее институализацию). Во-вторых, существуют разные основания для построения периодизаций в истории психологии, и всякая периодизация есть интерпретация через ту или иную аксиологическую оптику. В-третьих, современные периодизации истории психологии должны учитывать не только внутреннюю логику развития науки, но и социальные и культурно-исторические факторы, а также эволюцию научного знания в целом. Статья представляет собой опыт построения периодизации отечественного психологического знания с опорой на культурно-аналитический подход и представления о смене типов рациональности.

Ключевые слова: методология, история психологии, периодизация психологического знания, российская интеллектуальная традиция, тип рациональности, культурно-аналитический подход

Российская интеллектуальная традиция: от психологического знания – к психологической науке

При анализе российской интеллектуальной традиции следует различать психологическое знание, которое накапливалось веками и развивалось в смежных науках, и институализацию отечественной психологии в качестве самостоятельной науки. По сути дела такая дифференциация позволяет выделить в истории психологии периоды развития, связанные со сменой типов рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая организация знания, а также допарадигмальный, парадигмальный и мультипарадигмальный периоды развития психологической науки [Гусельцева, 2013].

Допарадигмальное состояние психологии характеризуется накапливанием психологического знания в иных дисциплинарных областях и познавательных практиках (философии, человекознании, юриспруденции, медицине). Парадигмальное развитие психологии начинается с ее превращения в науку классического образца. Мультипарадигмальность – особенность современного состояния психологии.

Классический тип рациональности оформляет превращение психологии в академическую дисциплину. Неклассический тип рациональности связан с разнообразием психологических подходов и формированием научных школ. Постнеклассический тип рациональности характеризуется не только мультипарадигмальностью, но и возвращением к психологическому знанию, латентно развивающемуся в контексте смежных (преимущественно социальных и гуманитарных) наук.

В самостоятельную науку российская психология превращалась на рубеже XIX–XX вв. В это время в ней можно выделить следующие направления и подходы: философско-религиозное, экспериментальное (естественнонаучное), эмпирическое (методологически смешанное), гуманитарное (культурно-историческое, антропологическое, духовное), психоаналитическое, педологическое и психотехническое.

Здесь же встречаются возможные классификации как по принципу внутренней или общей логики развития науки, так и на основе модели смены типов рациональности в психологии, например: становление психологии как классической науки (установление канона, возникновение общенаучной парадигмы, институализация), появление неклассического типа рациональности в психологии (в контексте которого на смену психологии сознания пришла психология поведения), постнеклассическая рациональность в психологии, проявляющаяся в коммуникативности и сетевой организации знания [Гусельцева, 2002].

История психологии как основа для интеграции психологического знания

Общий план разворачивания эволюции психологического знания представлен разнообразием теоретических моделей. Периодизации истории психологии возможны по разным основаниям – изменению предмета науки [Гальперин, 1999], смене ведущих психологических идей [Ждан, 1990], ориентации на внешнюю и внутреннюю логику развития психологической науки [Ярошевский, 1995], развитие психологических идей в контексте общенаучного знания и истории культуры [Марцинковская, 2001], становление психологических категорий [Петровский, Ярошевский, 1996], а также на основе многомерного разворачивания категории поступка, через которую, словно призму, рассматриваются как эволюция психологического знания, так и коммуникации психологии со смежными науками [Роменец, 1989].

В свою очередь культурно-аналитический подход, стремящийся к полипарадигмальному синтезу, позволяет охватить диахронический и синхронический планы анализа. Наша задача здесь заключается в том, чтобы проинтерпретировать эволюцию психологического знания как на основании смены трех типов рациональности в психологии – классической, неклассической и постнеклассической, так и с учетом изменяющегося культурно-исторического контекста, смены социокультурных эпох. Таким образом, история психологии

выступает в качестве основы для интеграции знания современной психологической науки. Именно аналитика эволюции психологического знания выявляет взаимосвязь подходов, их переключку между собой и полемику, становление ведущих психологических категорий, исследовательских подходов и научных школ, а также возможности интеграции разнообразных интеллектуальных традиций в современной познавательной ситуации.

Психологическое знание и психологическая наука

Для возникновения научной дисциплины необходим ряд условий, относящихся к эволюции психологического знания [Гусельцева, 2002]. Первое условие обусловлено логикой развития науки в целом, ибо строительство методологического каркаса дисциплины – процесс исторический и поэтапный. Так, согласно гипотезе В.Л.Рабиновича, чтобы Р.Бойлем могли быть совершены особые интеллектуальные процедуры, повлекшие открытия в области физики и химии, эти же интеллектуальные процедуры должны были отрабатываться с веществом в алхимии.

К.Д.Кавелин еще в 1872 г. отмечал, что психология – особая наука, поскольку материалом для нее служат наработки иных областей знания: «истории верований, языка, политических учений и учреждений, искусств, наук, философии, культуры» [Кавелин, 1872, с. 24]. Более того, качество культурно-психологических исследований связано с совершенством материала смежных наук. Например, для возникновения культурной психологии как дисциплины требовалось, чтобы интеллектуальные процедуры, связанные с реализацией методологического плюрализма, были отработаны в истории науки. Практическим воплощением методологического плюрализма явилась психологическая антропология. Таким образом, ни культурная психология, ни историческая психология культуры не могли появиться до тех пор, пока в истории науки не были найдены адекватные для их развития методологические решения [Гусельцева, 2013].

Культурно-историческая психология в качестве исследовательской парадигмы возникает лишь на определенном этапе развития гуманитарного знания. И на протяжении всей истории мы видим зависимость психологии в целом от развития других наук, от накопленного ими знания и освоенных методологических процедур. Психология – наука по своей сути коммуникативная. Культурно-историческая психология возможна как поздняя, завершающая наука, самостоятельный статус она обретает лишь во второй половине XX в., когда в гуманитарном познании вырабатывается адекватная для ее развития методология (герменевтика, неокантианство, аналитика повседневности и т.п.) [Гусельцева, 2013].

Второе условие относится к социокультурному контексту развития науки. Например, историки культуры подметили, что тоталитарные режимы ориентированы на поддержку технократического знания («наук о природе»), а «науки о духе» находятся под неусыпным государственным контролем, и их развитие подавлено^[1].

Третье условие определяется изменениями в психологии самих ученых, сменами

парадигм, типов рациональности и выражается в готовности научного сообщества воспринять те или иные взгляды. Так, в одной из своих работ К.Герген показал, каким образом рефлексия изменяет рациональность (и назвал это феноменом плодов «психологического просвещения») [Джерджен, 1995]. Философское просвещение действует аналогичным образом. Исследования постпозитивистов (особенно Э.Мецжер и Т.Куна), с одной стороны, сделали факт ментального сопротивления новым взглядам в научных сообществах предметом рефлексии, а с другой – способствовали большей терпимости к сложившимся идеологическим установкам ученых. сверхрефлексивность и толерантность к разным подходам в науке являются ментальными конструктами постнеклассической рациональности.

С позиции культурно-аналитического подхода, использующего методологическую постнеклассическую оптику, проследим эволюцию российского психологического знания и превращения его в психологическую науку.

Периодизация эволюции российской психологии

Эпиграфом к данному разделу могла бы послужить новелла Х.Л.Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса», где приводится классификация животных из вымышленной китайской энциклопедии, нарушающая привычную логику мышления: «На ее древних страницах написано, что животные делятся на а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух» [2].

Наша периодизация становления и развития отечественной психологии опирается не только на идеальную модель смены типов рациональности и парадигм, но и на «критические точки в развитии российской науки», выделенные Т.Д.Марцинковской [Марцинковская, 2001, с. 416–420], а также на изменяющиеся социокультурные эпохи отечественной истории, проанализированные Б.С.Братусем [3] [Братусь, 2000].

Донаучный период представлен накоплением психологического знания в разных сферах культуры и простирается до середины XIX в. Психологическое знание характеризуется здесь синкретизмом, отсутствием выраженного предмета и специфического исследовательского инструментария, допарадигмальностью.

Научный период берет начало с разработки первых исследовательских программ психологии, формирования классической парадигмы и включает в себя ряд критических этапов (смену социокультурных вех – с опорой на периодизацию Б.С.Братуся – это русская (имперская), советская и российская (национальная) психология).

1. Становление российской психологии (как переход от психологического знания к психологической науке) начинается в 1840–1880-е гг. Здесь происходит рефлексия

предмета науки, поиск исследовательских методов, обсуждение первых исследовательских программ. Полемика этих программ олицетворена дискуссией между К.Д.Кавелиным и И.М.Сеченовым. Гуманитарная ориентация развития психологии опирается на труды К.Д.Кавелина и философское учение В.С.Соловьева, тогда как предпосылками естественнонаучного разворачивания психологии явилось учение И.М.Сеченова.

1860–1880 гг. – эпоха невыраженного просвещения и либерализации, отмены крепостного права, реформаторских надежд. Проблема личности и ее достоинства выходит на первый план в гуманистической интеллектуальной традиции [Стоюнин, 1991]. В 1863 г. на университетские кафедры возвратилась философия (которую было запрещено преподавать в николаевскую эпоху: «польза философии не доказана, а вред от нее возможен»).

В дальнейшем мы коснемся латентного развития философской и культурно-психологической интеллектуальных традиций в советский период истории психологии. В связи с этим следует обратить внимание на социокультурный контекст, интенсивно повлиявший и переламавающий логику развития психологической науки, как в советскую эпоху, так и на стадии ее формирования. В российской традиции имела магистральная (официально разрешенная) линия научных исследований и латентные (маргинальные) потоки, которые скрывались под неаутентичными названиями и перемешивались с дисциплинарными поисками иных наук.

Так, в XIX в., будучи запрещенной на государственном уровне, философия продолжала развитие в общественной сфере и мимикрировала в публицистику и беллетристику. Если в николаевскую эпоху государство подавляло философию, то в советской психологии задавливались гуманитарные исследования, не укладывающиеся в прокрустово ложе марксистской идеологии, а в начале XXI в., в «тусклые нулевые», государство взялось зачищать политику, тем самым оттесняя ее в сферы журналистики и культуры. Таким образом, авторитарная традиция государственного контроля и подавления всех сфер жизни есть особенность социокультурного бытия российской науки. В связи с этим в эволюции российской психологической науки (в отличие от европейской) существенную роль играет культурно-исторический контекст.

2. Институализация российской психологии началась в 1880-е гг. и продолжилась в первые десятилетия XX в. В 1885 г. возникло Московское психологическое общество (организованное М.М.Троицким). В 1889 г. стал выходить журнал «Вопросы философии и психологии». Психология утвердилась на университетских кафедрах, возникли экспериментальные лаборатории по модели вундтовской. Наиболее ярко были представлены два направления психологии – философское и эмпирическое. В Петербургском университете психологию преподавали М.И.Владиславлев (см. «Современные направления в науке о душе», 1866), Н.Е.Введенский (физиологическая психология), В.А.Вагнер (сравнительная психология). В Киевском университете начинал свою деятельность Г.И.Челпанов (до того как перебраться в Москву), работал И.А.Сикорский. В Новороссийском университете трудились Н.Я.Грот, Н.Н.Ланге,

С.Л.Рубинштейн (его одесский период). В Московском университете психологию развивали М.М.Троицкий, а также приехавшие Н.Я.Грот и Г.И.Челпанов [Ждан, 1990].

В конце XIX в. в общественной мысли доминировало два социально-психологических направления: этико-социологическое («субъективное»), основывающееся на идеях О.Конта и Г.Спенсера (его представляли П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский, С.Н.Южаков), и марксистское («объективное»). Отечественные субъективные социологи видели в личности «носителницу всех психических переживаний, мыслей и чувств, желаний и стремлений», а изучение мира человеческих переживаний полагали «субъективным методом». Этому направлению противостояла объективная социология, изучающая не переживания людей, а условия их существования [Кареев, 1996, с. 39].

Почему российские интеллектуалы той поры так увлеклись марксизмом? Они обнаружили в нем тотальное, системное, объективное историческое учение; «им казалось, что марксизм – один из способов сделать Россию цивилизованной» [Карпович, 2012, с. 266]; марксизм представал научным подходом, проблематизирующим взаимоотношения личности и общества.

В 1880–1900 гг. формирование классической психологии происходило под влиянием ведущих европейских исследовательских традиций – английской, немецкой, французской. Так, подобно Т.Рибо, М.М.Троицкий осуществляет обзор немецкой психологии, М.И.Владиславлев анализирует современные направления в психологии сознания. Для этого этапа также характерно, что основоположники науки являются не профессиональными психологами, а представителями широкого спектра наук (физиолог И.М.Сеченов, историк и юрист К.Д.Кавелин).

На классическом этапе своего развития психология отделяется от философии и устремляется к естествознанию (так в России формируется физиологическая психология). Классическая наука к тому же стремится к производству тотальных теорий. В этом плане внутренняя логика становления российской психологии незначительно отличается от европейской (поиски объективного метода, позитивизм, очертания границ науки, институализация), однако более существенную роль в российской интеллектуальной традиции играет социокультурный контекст и общественно-политическая проблематика (запрет преподавания философии, вмешательство государства в культурную сферу, проблемы поиска национальной и гражданской идентичности, дискутирующиеся в среде интеллигенции на протяжении практически всего XIX в.).

«Развитие психологии в России направлялось не университетскими кафедрами, как на Западе, а общественной ситуацией» [Марцинковская, 2001, с. 420], это влияло на ориентацию психологии не на теоретические и гносеологические проблемы, а на практические и социальные. Прикладная направленность и задачи модернизации архаичного общества, традиционной культуры, стремительная индустриализация сближали в начале XX в. российскую естественнонаучную линию в психологии (разрабатывающую психологию поведения) с американской интеллектуальной традицией [Гусельцева, 2012].

На рубеже XIX–XX вв. в российском обществе происходил идеологический (и методологический) кризис. Здесь проявилось определенное разочарование в материализме и позитивизме, а учение В.С.Соловьева о всеединстве приобрело влияние. В 1892 г. Д.М.Мережковский опубликовал манифест русского символизма «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы». «Если в 1860-е гг. сыновья критиковали идеализм и эстетизм отцов во имя материализма, позитивизма и гражданского сознания, то теперь бунтари отрицали гражданское сознание во имя идеализма и эстетизма» [Карпович, 2012, с. 240].

В связи с тем что эволюция российского психологического знания определялась не столько логикой развития науки, сколько социокультурным контекстом, дальнейшая периодизация представляет собой характеристику смены культурно-исторических эпох.

3. «Серебряное возрождение» и становление неклассического типа рациональности в психологии (1910–1920 гг.). Эпоха модернизма получила в российской истории название «серебряного века». Это время культурного ренессанса и «цветущей сложности» разнообразия в российском обществе, что не могло не отразиться и на появлении множества психологических подходов. В это время российская наука в целом соответствовала передовым рубежам мирового уровня, ученые свободно оперировали основными европейскими языками, ездили на стажировки, участвовали в международных конгрессах, а научные и художественные новинки быстро переводились на русский язык. В религиозной сфере имелся намек на Реформацию, а в культурной – на Возрождение. М.М.Карпович характеризует эту эпоху как неоромантизм (символизм): «это был период дифференциации разных областей интеллектуальной деятельности» [Карпович, 2012, с. 237] [4], [5]. «Символисты занимались очень важным делом перевода не только современных, но и античных авторов» [Там же, с. 244].

«Многообразие и дифференциация» – ведущие черты рубежа XIX–XX вв.: «разделительные линии стали нечеткими, появилось большее разнообразие, и прежняя квазимонолитность интеллигенции постепенно исчезла» [Карпович, 2012, с. 262].

В 1904 г. возникли Педологические курсы в Петербурге, стали выходить периодические издания «Вестник воспитания», «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии». В 1907 г. при Петербургском психоневрологическом институте В.М.Бехтерев организовал центр педологических исследований. И.А.Сикорский основал журнал «Вопросы нервно-психической медицины и психологии», а в 1912 г. организовал Институт детской психопатологии. В это же время открывается Психологический институт им. Л.Г.Щукиной, созданный усилиями Г.И.Челпанова.

В первой половине XX в. в российской интеллектуальной традиции формировалась и развивалась неклассическая психология. Данный этап отличался манифестацией самобытностью отечественной психологической науки и разработкой оригинальных подходов – прежде всего, культурно-исторических, деятельностных, культурно-

деятельностных.

4. Становление советской психологии (1920–1930 гг.). В результате Октябрьского переворота в стране установилась идеологическая монополия на материалистическое мировоззрение. (На наш взгляд, Февральская революция 1917 г. являлась буржуазной, но она не решила своих социально-политических задач, монархия пала, однако буржуазия не смогла справиться с властью, и ее ловко подхватили большевики, осуществив по сути абсолютистскую реставрацию в форме «диктатуры пролетариата»). Доминирование марксистской философии, материализма, объективистской и социогенетической методологии стало обрамляющим социокультурным контекстом становления советской психологии.

При этом иные психологические подходы (философская и гуманитарная психология, эмпирическая и этническая психология Г.Г.Шпета, синтетическая исследовательская программа Государственной академии художественных наук и т.п.), продолжая по инерции существовать в 1920–1930 гг., складывались уже как маргинальные направления. В это время интенсивно развивались педология и психотехника. В 1925 г. состоялся I Педологический съезд. Формирование оригинальных подходов М.Я.Басова и Л.С.Выготского, П.П.Блонского и А.В.Залкинда, М.М.Рубинштейна и С.Л.Рубинштейна также пришлось на данную эпоху.

Передать противоречивый дух эпохи позволяет следующая феноменология. В 1923 г. И.П.Павлов выступал с лекцией перед студентами Военно-медицинской академии: «Возьмите быт русской школы. Они же [большевистские власти – М.Г.] все переделывают, постоянно пересматривают программы, отменяются признанные всем светом порядки, уничтожаются докторские степени. <...> Это угроза науки. <...>. Наука и свободная критика – вот синонимы. <...>. ...Марксизм и коммунизм – это вовсе не есть абсолютная истина, это одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды, и вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной» [Павлов, 1996, с. 314].

В 1929 г. на торжественном заседании, посвященном чествованию столетия И.М.Сеченова, он заявил: «Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть – все. Личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение. <...>. На таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурное государство, но на нем не могло бы держаться долго какое бы то ни было государство». Иными словами, без людей с чувством собственного достоинства «всякое государство обречено на гибель внутри» [Павлов, 1996, с. 314].

5. Кульминация авторитаризма (так называемая эпоха сталинских репрессий) в 1930–1950-е гг. привела к полному разгрому философской (идеалистической, религиозной) психологии, а также практически ориентированных педологии и психотехники. В эти годы произошел и роковой отрыв от мировой психологии и развития социальных наук, обусловивший отставание гуманитарного знания в российской интеллектуальной традиции. Были разгромлены самобытные научные

школы, связанные с именами Л.С.Выготского, В.М.Бехтерева, изведен на корню «русский психоанализ».

6. «Оттепель» («хрущевская эпоха») 1950–1960 гг. После смерти И.В.Сталина страна вздохнула свободно: постепенно уходил из общественной жизни страх, прекратились политические репрессии, расширились «границы дозволенного», что не могло не стимулировать развитие психологической науки. Одновременно благодаря диссидентскому движению и публикационной активности шла работа по осмыслению побед (индустриализация, Вторая мировая война) и поражений (массовые репрессии, уничтожение аристократии и интеллигенции) сталинской эпохи.

В это время восстанавливалась коммуникация с зарубежной психологией. В 1966 г. в Москве состоялся XVIII Международный психологический конгресс. Происходило возвращение к прерванным интеллектуальным традициям (так, было реабилитировано творческое наследие В.М.Бехтерева и Л.С.Выготского).

7. «Застой» («брежневская эпоха») 1960–1980 гг. Политический застой и экономическая деградация страны («эпоха всеобщего дефицита») сопровождалась, тем не менее, оживлением в научной и культурной сфере (психологически чувство стабильности позволяло ученым при этикетном соблюдении форм лояльности спокойно работать, хотя бы и в ограничивающих творческий поиск пределах дозволенного). В это же время происходило развитие отечественных психологических школ и осторожная модернизация официальных подходов. Несмотря на идеологический контекст эпохи, пробивалось робкое разнообразие психологических подходов и направлений. Научные школы позиционировались по кафедрам и университетам: московская, ленинградская, киевская, тбилисская научные школы. Деятельностные подходы С.Л.Рубинштейна и А.Н.Леонтьева развивались их учениками, возникли теория психического как процесса [Брушлинский, 2003], историко-эволюционный подход [Асмолов, 1990], концепция надситуативной активности и субъектный подход [Петровский, 2010] и др.

Отметим, что основания для выделения научных школ могут быть различными: как поверхностные, так и глубинные. В данном случае они скорее «географические», формальные. Глубинные же требуют более детального анализа преемственности идей и исследовательских традиций. Можно выделять научные школы по разрабатываемым ими ведущим категориям. Так, тбилисская школа изучала «установку», московские – «деятельность», ленинградская – «общение» и «отношения», украинские психологи работали с «творчеством», «языком» и «переживанием» как психологическими категориями.

Наша задача сейчас показать, что советская психология в целом являлась неклассическим этапом развития психологического знания, характеризующимся становлением и развитием психологических школ, и, несмотря на идеологически удушающий социокультурный контекст, в это время все равно происходила дифференциация подходов и направлений, как того требовала неумолимая логика истории. Понятие «научная школа» имеет философское (характеризующее познание) и социокультурное (относящееся к сообществу) измерения. На данном этапе нами

очерчен лишь один из аналитических кругов – территориальный. Дальнейшее изучение возможно позволит выделить культурно-психологическую специфику в развитии интеллектуальных традиций (прибалтийской, украинской, грузинской – советских республик, превратившихся к началу XXI в. в независимые национальные государства).

8. «Гласность» и «перестройка» (либерализм краткой «горбачевской эпохи», «дикий» капитализм «эпохи ельцинской»). 1990-е гг. явились концом советской психологии и задали начало истории психологической науки уже отдельных национальных государств, некогда составляющих советскую империю (СССР), что также отвечало объективной исторической логике: монолиты империй в конце концов распадаются, а им на смену приходит возрождений наций [6].

«Началась эра Горбачева. Когда-то Солженицын, вспоминая реакцию на появление в печати в начале шестидесятых своей первой повести о сталинских лагерях “Один день Ивана Денисовича”, писал, что если даже этот маленький ручеек правды имел такой огромный резонанс в стране, то что же будет, когда откроются все шлюзы и хлынут потоки правды. И вот они хлынули. Не только о Сталине, о лагерях. Вообще о нашей жизни, об истинном положении вещей. Хлынули повести, романы, которые были сокрыты от читателей, хлынули живые люди с Запада – писатели, политики, проповедники, имена которых десятилетиями шельмовали у нас, хлынули ученые, их идеи, книги, которые были знакомы лишь единицам. Под этим напором что-то рушилось, оплывало, а что-то выстроенное и утвержденное годами выстаивало и оставалось прежним.

Психология, чуть оттаявшая при Хрущеве, а затем вновь застуженная и промерзшая в брежневские годы, в официальных своих структурах стояла крепко, делая вид, что происходящие изменения не касаются ее. Зато “психологические массы” стали приходить в движение. Этому способствовало то обстоятельство, что омертвелость официальной психологии и до Горбачева, в конце семидесятых – начале восьмидесятых, стала приводить к появлению своеобразных альтернативных течений» [Братусь, 2000, с. 35].

Конец XX в. характеризовался интенсивной рецепцией подходов зарубежной психологии, появлялись как ростки оригинальных концепций (например, виртуальная психология Н.А.Носова), так и стремление к интеграции психологического знания (либеральная методология А.В.Юревича, коммуникативная психология В.А.Мазилова, модель психического Е.А.Сергиенко, психагогика А.А.Пузыря и др.), велись дискуссии о постнеклассической психологии, возник интерес к постмодернизму, герменевтике, феноменологии, неокантианству. На данном этапе проявилось стремление к диалогу и согласованию разнообразия психологических исследований. Междисциплинарность зрелой неклассической психологии сменилась установкой на мультидисциплинарность и развитие полипарадигмального знания.

Б.С.Братусь выделяет ряд мировоззренческих ориентаций в российской психологии той эпохи: марксистская (продолжение и развитие традиций советской психологии), западническая (ассимиляция и адаптация зарубежного наследия), гуманитарная

(освоение гуманитарного наследия), нравственная (сближение психологической проблематики и этики), христианская (где «христианские представления о человеке рассматриваются <...> как опорные, исходные для психологической работы» [Братусь, 2000, с. 38]). Здесь важно отметить, что название «гуманитарная психология» более продуктивно для одного из направлений отечественной науки, чем «гуманистическая психология», ибо подчеркивает специфику российской интеллектуальной традиции[7].

9. «Смутные нулевые» (путинизм как антимеритократическая эпоха[8]) – 2000-е гг. Наше произвольное обозначение данной эпохи основано на двух соображениях: во-первых, всегда сложно судить о той реальности, участниками и соучастниками которой мы сами являемся – посему эпоха смутная; во-вторых, социокультурный анализ текущей эпохи выявляет в ней уже довольно явные тренды «застоя» и «точечных репрессий» (неслучайно вновь мифологизированы образы Брежнева (мифологема «золотого века» стабильности) и Сталина (мифологема «сильного государства»)[9].

Открытым остается вопрос: насколько эволюция психологического знания зависит от текущей политики? Так, история знает расцветы наук при политическом застое (авторитаризме), однако жесткое подавление активности общества при тоталитарном режиме – крайне неблагоприятная ситуация для развития науки (например, этим был вызван крах этнологии в фашистской Германии [Марков, 2004]).

Заключение. Общие и «необщие» пути культурно-психологического познания

Особенностью российской интеллектуальной традиции является тот факт, что эволюция отечественного психологического знания оказалась шире дисциплинарных границ психологической науки, и его освоение посредством постнеклассической методологической оптики обращено к развитию культурно-психологических исследований в контексте смежных и гуманитарных наук. Так, одна из задач культурно-аналитического подхода – реконструировать ряд побочных (латентных) интеллектуальных традиций отечественной психологии (см. например: [Гусельцева, 2010, 2011]).

С другой стороны, эволюция российского психологического знания демонстрирует его близость к европейской интеллектуальной традиции (подчиняющейся смене типов рациональности) [Гусельцева, 2013]. При этом специфика российской интеллектуальной традиции связана не только с развитием оригинальных психологических подходов (так, в концепциях классиков советской психологии явно прослеживаются влияния английской, французской и немецкой интеллектуальных традиций) и энциклопедизмом российских ученых, а именно с особенностями эволюции российской культуры, проблемами модернизации общественной жизни, ее вызовами и ответами.

Развитие российской психологии было значительно обусловлено пертурбациями культурно-исторического контекста. Поэтому вышеизложенная периодизация эволюции психологического знания опирается как на внутреннюю логику становления европейской науки, так и на смену культурных эпох в развитии именно

российского общества.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Моск. гос. университет, 1990.

Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология. Конспективное рассмотрение. М.: Флинта, 2000.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.

Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Университет, 1999.

Гусельцева М.С. Изучение художественного воспитания в Государственной академии художественных наук (по материалам протоколов заседаний 1925–1929 гг.). Психологические исследования, 2011, No. 4(18), 11. <http://psystudy.ru>

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология и вызовы постмодернизма. Вопросы психологии, 2002, No. 3, 119–131.

Гусельцева М.С. Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ. В кн.: А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич (Ред.), Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: ИП РАН, 2012. С. 34–56.

Гусельцева М.С. Творческое наследие И.Тэна и Д.Н.Овсянико-Куликовского: культурно-психологическая эпистемология. Психологические исследования, 2010, No. 5(13), 8. <http://psystudy.ru>

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013.

Джерджен К. [Gergen K.] Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: Белорусс. гос. университет, 2003.

Ждан А.Н. История психологии. М.: Моск. гос. университет, 1990.

Кавелин К.Д. Задачи психологии. Соображения о методах и программе психологических исследований. СПб.: Тип. Ф.Сущинского, 1872.

Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб.: Издатель, 1899.

Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012.

Марков Г.Е. Немецкая этнология. М.: Акад. проект, 2004.

Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Академия, 2001.

Павлов И.П. Мозг и психика. Воронеж: МОДЭК, 1996.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Роменец В.А. Предмет и принципы историко-психологического исследования: Диссертация ... д-ра психол. наук. Киев, 1989.

Стоюнин В.Я. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1991.

Федотов Г.П. Судьба империй. В кн.: Собр. соч.: в 12 т. М.: Мартис, 2004. Т. 9, с. 220–244.

Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: материалы междунар. науч. конф., 3–5 апреля 2008 г. М.: Весь мир, 2009.

Ярошевский М.Г. Историческая психология науки. СПб.: Междунар. фонд истории науки, 1995.

Примечания

[1] Г.Е.Марков показал, что культурно-психологические исследования, успешно развивавшиеся в немецкой интеллектуальной традиции, начиная с эпохи Просвещения, так и не смогли восстановиться после нацистского разгрома. «Господство нацизма в Германии и Австрии и последствия Второй мировой войны оказались губительными для этнологии, испытавшей тяжелейшие потрясения [Марков, 2004, с. 230]. В нашей стране антропологические науки также пополнили список репрессированного знания. В 1931 г. был закрыт этнологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова и репрессирован П.Ф.Преображенский, автор фундаментального учебника «Этнология» [Этнология – антропология – культурология, 2009].

[2] Борхес Х.Л. Новые настроения (см.: <http://lib.ru/BORHES/natroeniq.txt>).

[3] Б.С.Братусь выделяет в отечественной психологии три культурно-исторических периода: русская, советская, российская психология. Сквозную эволюцию психологического знания он делит на девять аксиологических этапов, связанных со сменой вех: «потеря души», «революция и психология», «разгром и уничтожение», «война и послевоенные мытарства», «оттепель», «застой», «психология в горбачевский период», «на перепутье» (где русло психологии разливается на потоки ориентаций: марксистская, западническая, гуманитарная, гуманистическая, нравственная, христианская), «возвращение души» [Братусь, 2000].

[4] В.Я.Брюсов в 1910 г. эмоционально писал: «Искусство автономно: у него свой метод и свои задачи... Неужели после того, как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!» [Цит. по: Карпович, 2012, с. 243].

[5] В.Я.Брюсов в 1910 г. эмоционально писал: «Искусство автономно: у него свой метод и свои задачи... Неужели после того, как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!» [Цит. по: Карпович, 2012, с. 243].

[6] И то, что со стороны империи предстает как сепаратизм, со стороны развития наций выглядит как освободительные движения. Так, российский философ Г.П.Федотов рассматривал судьбу империй через оптику самоценности национальных культур: «Разложение Австро-Венгрии есть освобождение – Чехии, Польши и Югославии. ... Рост государства означает расширение зоны мира, концентрацию сил и, следовательно, успехи материальной культуры. Но гибель малых или слабых народов, им поглощенных, убивает, часто навеки, возможность расцвета иных культур, иногда многообещающих, быть может, качественно высших по сравнению с победоносным соперником» [Федотов, 2004, с. 231].

[7] «В сознании определенной части российских психологов постепенно произошел, точнее, происходит поворот в ориентации: от прежней – естественнонаучной, от подражания, упования на образцы естественных наук к ориентации на образцы, достижения и ценности гуманитарного восприятия. Сейчас идет как бы собирание гуманитарного мировоззрения. Мы сталкиваемся, знакомимся, по сути, впервые с теориями, взглядами, которые ранее были труднодоступными для отечественных психологов, открываются целые континенты русской философской мысли, появляются неизданные сочинения литературоведов и историков, раскрывается во всей полноте художественное творчество русского зарубежья и т.п.» [Братусь, 2000, с. 51].

[8] «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные» (Стругацкие А.Н. и Б.Н. Трудно быть богом. http://lib.ru/STRUGACKIE/be_god.txt).

[9] См.: Дмитриев М.Э. Общество и власть в условиях политического кризиса. Доклад ЦСР «Политический кризис в России и возможные механизмы его развития». Март 2011 г. Краткое изложение исследования: <http://newtimes.ru/articles/detail/52561>.

Поступила в редакцию 15 марта 2013 г. Дата публикации: 30 июня 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент (ученое звание), ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.
E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Проблема периодизации истории отечественного психологического знания. Психологические исследования, 2013, 6(29), 11. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Проблема периодизации истории отечественного психологического знания // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)